

видение перевоза показующе»; в то время когда часть кораблей обследовала «перевоз», один из кораблей, на котором недовольные Магелланом одержали верх, бежал в Испанию. Оставшиеся три корабля в ноябре месяце вошли в «влои (пролив) сеи, преже незнаемыи, шириною овогда убо триех, овогда же двою поприщ италинских». И после 22-дневного плавания по проливу вышли в «величайшее море» (Тихий океан), по которому Магеллан приказал «плавание творити от запада на восток», так как там находились Молуккские острова (лл. 22—24).

Около четырех месяцев, гонимые попутным ветром, плыли по неведомой великой «пучине» корабли, изредка встречая небольшие острова. Наконец, они достигли острова «Субусф» (Себу), с «игемоном» (правителем) которого испанцам удалось установить хорошие отношения, закрепленные принятием «игемоном» и населением острова христианства. Но хорошие отношения с аборигенами продержались недолго, и в стычке с жителями острова «Маутан» (Матан) Магеллан был убит. Оставшиеся в живых испанцы избрали своим начальником Ивана Серана (Жуана Серрана). Но к этому времени жители Себу, по словам автора письма подстрекаемые неким рабом, недовольным жестоким обращением со стороны Ивана Серана, восстали против пришельцев, захватили Серана, уничтожив «честный крест» и другие атрибуты христианства. Испанцы, бросив своего начальника на произвол судьбы, бежали с Себу на трех кораблях, один из которых из-за недостатка команды на острове «Кохоль» (Бохоль) они сожгли (лл. 25 об.—26 об.). На оставшихся двух кораблях испанцы достигли острова «Порни» (Борнео), жителей которого за отсутствие у них «разбойничества» и «человекоубийства», любовь к тишине и миру автор письма всячески хвалит (лл. 26 об.—27). От Борнео экспедиция направилась к Молуккским островам, посетив по пути «брег Солуский» (архипелаг Сулу), богатый жемчугом.

Молуккские острова — «Таранти» (Тарнат), «Мутила» (Бакьян?), «Федора» (Тидор), «Мара» (Моротай) и «Матфиана» (Макьян) — описываются наиболее обстоятельно: указывается их местоположение, величина, описываются произрастающие на них пряности, дается характеристика обычаев и нравов островитян, у которых царят «мир и безмолвие». Интересно замечание автора о том, что «от нашей сея вселенная (т. е. из Европы) превелие человеческо беззаконие к ним (островитянам) пренесено бывше видится» и что «в нас живущее сребролюбие и гортани несытное бесование понудиша нас в толь удаленом их испытovati мире» (лл. 27—28). Это замечание, вскрывающее истинные мотивы далеких заморских экспедиций и те «блага», которые приносили коренному населению европейцы, тем более примечательно, что оно противоречит общему стремлению автора рисовать идиллические отношения, установившиеся между участниками экспедиции и населением островов: по словам автора, местные князьки охотно признавали власть испанского короля и принимали вместе с населением островов его подданство.

Отдохнув на островах и наполнив корабли пряностями, испанцы отплыли от острова Тидор. Но тут выяснилось, что один из кораблей дал течь. Было решено, что корабль возвратится на Тидор и после починки направится в испанские владения по пути, пройденному Магелланом; другой же корабль отправится на родину вдоль Индии и Африки, держась как можно дальше от берегов, чтобы не попасть в руки португальцев. О судьбе первого корабля автор письма ничего не сообщает. Второй — отплыл в Испанию по намеченному пути; несмотря на принятые меры предосторожности часть экипажа корабля во время остановки на одном из островов была захвачена португальцами. Оставшиеся на корабле ис-